

Ю. В. Латов

*Институт социологии РАН,
 Финансовый университет при Правительстве РФ,
 г. Москва, Российская Федерация*

Р. М. Нуреев

*Национальный исследовательский университет
 «Высшая школа экономики»,
 Финансовый университет при Правительстве РФ,
 г. Москва, Российская Федерация*

«КОСЫГИНСКИЕ» РЕФОРМЫ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКИХ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ

Аннотация. Обсуждение «косыгинских» реформ становится одним из способов реинтерпретации социаль-экономической истории СССР — попыткой понять логику его нормального (не-экстремального) хозяйственного развития. Сравнение реформы 1965 г. с другими советскими реформами позволяет лучше понять соотношение в ней особенного и общего. С одной стороны, это — единственная (кроме горбачевской «перестройки») советская хозяйственная реформа, которая предлагала либерализацию экономических отношений ни в какой-то одной сфере экономики, а во всей национальной экономике в целом. В то же время реформу 1965 г. сближает с другими позднесоветскими реформами явное отсутствие эффекта храповика. Советское общество никак не могло пройти точку невозврата к сталинской экономической модели. Проблемы, выявленные «косыгинской» реформой, — «верхи» не могут эффективно генерировать долговременные стратегические программы развития, а «низы» не хотят довольствоваться существующими рамочными «правилами игры», поскольку уровень благосостояния «народных масс» остается существенно ниже желаемого, — актуальны и в наши дни.

Ключевые слова. Административные циклы, командная экономика, реформа Косыгина, советская экономическая система.

Yu. V. Latov

*Institute of Sociology RAS,
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation*

R. M. Nureev

*National Research University «Higher School of Economics»,
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation*

KOSYGIN'S REFORMS IN THE CONTEXT OF SOVIET POLITICAL-ECONOMIC CYCLES

Abstract. Discussion of Kosygin's reform is becoming a form of reinterpretation social-economic USSR history — an attempt to understand the logic of its normal economic development, and the comparison of 1965 reform with other Soviet reforms allows us to understand Correlation of unique and common in it. On the one hand it is the only (except Perestroika) Soviet economic reform that included liberalization of economic relations in the whole national economy. But on the other it has something in common with other reforms — the lack of ratchet effect, that lead to the situation when the Soviet society could not pass the point of no return to the command economic model. The problem revealed by the Kosygin reform when social elite cannot generate long-term strategic development program, while ordinary people are not satisfied with current social order because of low standards of living is still important.

Keywords. Administrative cycles, command economy, Kosygin reform, Soviet economic system.

1. Асимметрия в исследованиях советской экономической истории

В изучении советской социально-экономической истории существует явная и сильная асимметрия. Публицисты и ученые пишут главным образом о событиях ленинско-сталинского периода (1917–1953). Последующий же хрущевско-брежневский период (1953–1985),

почти равный по длительности предыдущему, привлекает внимания на порядок меньше (одно из немногих исключений — работы Г. И. Ханина, например, [7]). В результате символами советской социально-экономической системы стали продразверстка, раскулачивание, «досрочно перевыполненные» планы первых пятилеток и «архипелаг ГУЛАГ», а вовсе не «космическая гонка» с Америкой, «большая нефть» и БАМ.

Отчасти этот перекося является, конечно, результатом так и не прекратившейся информационно-идеологической «войны». Действительно, российская цивилизация уже не одно столетие объективно является сильным конкурентом другим цивилизациям (прежде всего, западноевропейской), это «столкновение цивилизаций» будет продолжаться и в будущем. В то же время и социалистическая идея скорее жива, чем мертва, причем в сознании не только интеллектуалов, зараженных «антикапиталистической ментальностью», но и очень многих обычных людей. Поэтому те, кто в столкновении цивилизаций и в борьбе за/против социалистической идеи находится «по ту сторону баррикады», склонен в истории СССР видеть и изучать в первую очередь те события раннего его периода, которые более ярко демонстрируют «ахиллесовы пятки» советского режима: «голодомор» 1930-х, а не дефицит колбасы в 1970–1980-е; Катынь, а не Новочеркасск; сталинский Большой Террор, а не брежневские «точечные» преследования диссидентов. Интересно при этом отметить, что за рубежом научных работ о советских экономических реформах второй половины XX в. выходит довольно много (см., например, [8–11]), поскольку там научный советологический курс менее связан со «злостью дня».

С другой стороны, защитники СССР тоже акцентируют внимание в первую очередь на самых эмоционально выигрышных достижениях, которые сконцентрированы также в основном в границах ленинско-сталинско-

го периода, — на сохранении единой и независимой России в Гражданскую войну 1918–1921 гг., на форсированной индустриализации 1930-х гг. и на победе в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Поскольку советская история 1950–1980-х гг. дает гораздо меньше примеров героических подвигов-самопожертвований, то и внимания ей уделяется гораздо меньше. Хотя, если задуматься, чем меньше причин бросаться грудью на амбразуру, тем выше качество жизни в стране.

От отмеченной асимметрии понимание социально-экономической истории СССР существенно страдает. Экстраординарное начинает восприниматься как обычное. Муки рождения советской системы интерпретируются как имманентно присущие всей советской жизни. Одновременно среди тех, кто к советскому опыту относится более благожелательно, подспудно формируется миф о позднесоветском «потерянном рае», куда так хочется вернуться¹. В основе мифа о позднесоветском «рае», так же как и мифа о непрерывном советском «аде», лежит отсутствие системного подхода, когда успехи и внутренние противоречия «нормальной жизни» советской экономики воспринимаются искаженно, не артикулировано, без понимания долгосрочной логики их развития.

Обсуждение «косыгинских» реформ становится поэтому одним из способов реинтерпретации социально-экономической истории СССР — попыткой понять логику именно его *нормального* (не-экстремального) хозяйственного развития. Обнаруживается, что отказ от сталинских «перегибов» (системного внеэкономического принуждения и массовых репрессий) оказался категорически недостаточен для создания эффективной национальной модели экономики. Хрущевско-брежневская модель «реального социализма»

¹ В научно-популярной литературе ярким проявлением этой тенденции являются, например, книги «позднего» А. Буковского ([1] и др.).

может быть названа (пусть с массой оговорок) социализмом «с человеческим лицом» — люди получили возможность спокойно жить не только ради «блага социалистического Отечества», но и ради собственного блага. Однако к этому «лицу» прилагались, можно сказать, слабые «ноги», которые не позволяли уверенно и равномерно осуществлять догоняющее (а тем более, «перегоняющее») социально-экономическое развитие.

2. Советские политико-экономические циклы

Если считать нормой советского общества именно 1953–1985 гг., а не 1917–1953 гг., то в его хозяйственном развитии легко заметить циклы государственного реформаторства. Их следует рассматривать как аналог политических деловых (политико-экономических) циклов, наблюдающихся при развитом рыночном хозяйстве («государственно-монополистическом капитализме»)². В странах с институтами демократии и рынка политико-экономический цикл — это колебания активности правительства в сфере государственного регулирования экономики в интервалах между выборами с целью завоевания/сохранения поддержки избирателей. В советском обществе институты демократии и рынка играли роль отчасти второстепенную, отчасти камуфляжно-бутафорскую. Тем не менее, циклические колебания мер государственного регулирования в позднесоветский период наблюдались довольно отчетливо, поскольку завоевывать поддержку населения правящей партийной элите все же приходилось. В то же время длина цикла определялась явно не интервалами между выборами.

Последовательность фаз *советского политико-экономического (административно-хозяйственного) цикла* такова: «звонкое» провозглашение реформы, которая призвана качественно улучшить существующую мо-

² О политических деловых циклах см., например: [4, гл. 11].

дель при сохранении ее основ → поток победных сообщений о начальных успехах реализации реформы → постепенное уменьшение публичной информации о результатах реформирования и частичное восстановление дореформенных «правил игры» → провозглашение новой реформы, которая полностью дезактуализирует старую. В некоторых случаях (например, если высокопоставленный инициатор реформы уходил из жизни) вторая и третья фазы могли выпадать.

Анализ итогов прошедшей реформы не то чтобы публично, но хотя бы в рамках научного сообщества, обычно не происходил. Публичная критика неудач прошедших реформ являлась исключением. Даже в адрес совнархозной реформы Н. С. Хрущева критические «стрелы» метались умеренно и недолгое время, хотя «разжалованный» политик являлся более чем удобным «мальчиком для битья». Поскольку неудачи прежних реформ предлагалось не осмысливать, а «забывать» вместе с самими прежними реформами, то при разработке и реализации новой реформы было легко наступить на старые грабли.

Таких административных циклов за последние 38 лет развития советской административно-командной системы можно насчитать примерно 7:

- 1) 1953–1957 гг. — реформа Г. М. Маленкова;
- 2) 1958–1964 гг. — реформа Н. С. Хрущева;
- 3) 1965–1972 гг. — первая реформа А. Н. Косыгина;
- 4) 1973–1979 гг. — вторая реформа А. Н. Косыгина;
- 5) 1979–1980 гг. — третья реформа А. Н. Косыгина;
- 6) 1983–1984 гг. — реформа Ю. В. Андропова;
- 7) 1985–1991 гг. — реформа М. С. Горбачева («перестройка»).

Можно сказать, что после смерти И. В. Сталина до самой «смерти» СССР существовала нерушимая традиция: новый политический лидер просто обязан объявить очередную реформу, направленную на хотя бы поверхностную либерализацию социально-экономи-

ческого режима. У всех этих реформ была примерно одинаковая продолжительность 4–5–6 лет.

Из стройной последовательности, правда, выламываются события первой половины 1980-х гг. Это легко объяснить геронтократическим вырождением советской партийной элиты: провозглашенная в 1979 г. реформа почти мгновенно заглохла после смерти А. Н. Косыгина, почти так же получилось с провозглашенной в 1983 г. реформой Ю. В. Андропова, а правление К. У. Черненко оказались слишком коротким даже для провозглашения очередной реформы.

«Перестройка» М. С. Горбачева оказывается при такой точке зрения вовсе не столько «новым мышлением», сколько восстановлением старого советского административно-хозяйственного цикла. В логику административных циклов укладываются даже радикальные постсоветские реформы в период правления Б. Н. Ельцина (1992–1999).

3. Общее и особенное в советских реформах

Сравнение реформы 1965 г. с другими советскими реформами позволяет лучше понять соотношение в ней особенного и общего.

Прежде всего, это — единственная, кроме горбачевской «перестройки», советская хозяйственная реформа, которая предлагала либерализацию экономических отношений ни в какой-то одной сфере экономики, а во всей национальной экономике в целом. Для других реформ больше характерно сочетание по методу «тяги-толкая», когда ослабление централизации в одних аспектах сочетается с сохранением статус-кво или даже с усилением централизации в других аспектах. Например, при Н. С. Хрущеве повышение возможностей для установления горизонтальных связей между предприятиями сочеталось с курсом на ликвидацию личных подсобных хозяйств, а при Ю. В. Андропове расширение заводского самоуправления по

«Законом о трудовом коллективе» — с драконовскими мерами укрепления трудовой дисциплины. В сравнении с ними реформы 1965 г. носили гораздо более комплексный характер.

Другая важная особенность первой «косыгинской» реформы — это ее необычайно высокая предварительная проработанность. Как помнит читатель, в обсуждении идей реформы участвовали не только все видные представители советской экономической науки, но это обсуждение происходило еще и публично, в общедоступных изданиях (включая самые читаемые газеты). Пожалуй, первый и единственный раз за всю историю СССР общество сначала долго (три года) готовили к экономической реформе, а только потом были приняты официальные решения. С другими реформами обычно все происходило наоборот: «партия» спускала «сверху» очередное судьбоносное решение, которое затем предлагалось научно обосновать и прочно усвоить.

Третья особенность — это «привязка» реформы к личности не первого лица в политической элите, а второго (не Генерального секретаря КПСС, а Председателя Совета министров СССР). Эта третья особенность во многом объясняет и две предыдущие. Реформу 1965 г. все же не зря называют «косыгинской», поскольку во многом именно благодаря Алексею Косыгину, который выдвинулся в число самых высших партийно-хозяйственных лидеров еще при Н. С. Хрущеве, эту реформу удалось сделать комплексной и предварительно «обкатанной».

Парадокс в том, что хотя подготовка реформы 1965 г. велась на порядок лучше, чем всех других позднесоветских реформ, результат получился примерно тот же. Ударное начало постепенно выдохлось, спустя несколько лет «правила игры» в значительной степени вернулись к дореформенному уровню, хотя значительную дольку новых экономических возможностей хозяйствующим субъектам микроуровня (ра-

ботникам и директорам предприятий) все же удалось удержать.

Высокая (по меркам того времени) научная проработанность реформы в определенной степени оказалась фактором торможения. Дальше всех заходит тот, кто не знает, куда идти. Реформы Ельцина-Гайдара являются яркой тому иллюстрацией: либеральные реформаторы хорошо понимали, что они хотят *разрушить*, но довольно размыто — что хотят *создать*, поэтому их реформы оказались весьма радикальными и быстро прошли точку невозврата. Реформа 1965 г. была с этой точки зрения антитезой реформам начала 1990-х гг., поскольку советские реформаторы знали, что идут к новой модели социализма, а не к чему-то еще. Они четко осознавали, что разрушать главные институты «реального социализма» (прежде всего, государственное планирование) они не хотят, а вот что именно демонтировать можно и нужно, ясности не было.

Реформу 1965 г. сближает с другими позднесоветскими реформами явное *отсутствие эффекта храповика*, когда развитие идет только в одну сторону. Путь же советской экономики постоянно петлял в ритме «два шага вперед, шаг назад».

Общий вектор развития был, конечно, определенно направлен в сторону повышения экономической свободы/демократии во всех ее видах. Хотя умеренно-либеральные реформы, как уже говорилось, совмещались с «затягиванием гаек», но ужесточение контроля определенно не рассматривалось как долгосрочная стратегия. В то же время и у курса на повышение самостоятельности субъектов микроэкономики перспективы оставались неопределенными. Общество никак не могло пройти точку невозврата к сталинской экономической модели, слишком многое зависело от субъективных предпочтений очередного руководителя СССР. Даже в 1980-е гг. сохранялись опасения возвра-

щения к использованию «подсистемы страха» (как называл угрозу репрессий Г. Х. Попов [6]). Постепенное повышение социально-экономической самостоятельности субъектов микроэкономики могло при таком рваном ритме изменений перейти в новое качество и через 10 лет, и через 100 лет.

Самое главное, оставалось непонятным, какое же это «новое качество», к которому надо стремиться. Полюса — диктаторское правление (как при И. В. Сталине) и всеобщее вовлечение граждан в принятие важных решений (Советы и фабричные комитеты 1917–1918 гг.) — оказались равно нежизнеспособными. Лишенный ограничений диктатор может принимать как вполне разумные, так и совершенно неразумные решения. Прямая демократия тоже не удалась. Хотя «пламенные революционеры» сто лет назад предсказывали, что упрощение функций управления параллельно с повышением образования сделают возможным привлекать к управлению государством любую кухарку, этот прогноз еще долго (возможно, никогда) не оправдается: рост сложности управления пока обгоняет рост образованности. Поэтому реальной базовой моделью современного общества стало полицентричное управление, осуществляемое профессиональными менеджерами, государственных и коммерческих, опирающимися на бюрократическую «техноструктуру» (как ее трактовал Дж. К. Гэлбрейт). К этой модели смешанной экономики уже в 1960-е гг. пришли все более-менее развитые страны, включая и поздний СССР. Но каким должно быть в рамках этой модели соотношение плановых и рыночных институтов? Даже сейчас на этот вопрос нет однозначного ответа; тем более его не было полвека назад.

Практическое решение этого вопроса в начале 1990-х гг. было скорее простым, чем мудрым: если Россия осуществляет догоняющее развитие, то она должна догоняться ушедших вперед только по той дороге,

по которой шли лидеры, — и «иногое не дано». Очень быстро оказалось, однако, что это простое решение вовсе не гарантирует отличного результата.

В результате национальное социально-экономическое развитие в ритме «захлебывающихся» реформ сохранилось и в 1990–2010-е гг., хотя циклы стали более длинными: цикл реформ Б. Н. Ельцина, направленных на формирование основ рыночной экономики, можно датировать 1992–1999 гг.; цикл реформ В. В. Путина, направленные на реставрацию «вертикали власти» (централизованного управления всеми сферами жизни, включая экономическую), начался примерно в 2000–2001 гг. и завершился, видимо, к концу десятилетия.

4. Что удалось сделать?

Хотя для советских политико-экономических циклов характерно отсутствие эффекта храповика, «косыгинская» реформа все же дала определенные результаты, которые не были ликвидированы «реставрацией» 1970-х гг. Поэтому нельзя сказать, что возникшая в 1965 г. бифуркационная ситуация завершилась отказом от выбора новых «правил игры». Некоторые новые институты закрепились, хотя они не всегда способствовали укреплению советской модели экономики (см. [5]).

Прежде всего, значительным изменением подвергся сам механизм планирования. Если раньше планирование осуществлялось на основе отраслевых проектировок (по принципу, удачно названному еще в 1920-е гг. Л.Н. Крицманом «ударный нос и неударный хвост»), то теперь происходит переход к комплексному, многовариантному планированию.

В то же время сама методология советского планирования осталась неизменной. Ее основу составлял балансовый метод. Даже в начале 1980-х гг. Госплан составлял 2000 балансов, имевших 50 тыс. позиций. Это было значительным агрегированием реальных

экономических процессов, так как в это время в стране производилось уже 12 млн наименований продуктов. По-прежнему сохранялась огромная и сильно централизованная система плановых показателей: их число в начале 1980-х гг. колебалось от 2,7 до 3,6 млрд, из которых 2,7–3,5 млн Госплан утверждал ежегодно. Все это приводило к хронически консервативной системе планирования, типичной чертой которой было замедление технического прогресса: средний срок службы оборудования в 1989 г. по плану составлял 13 лет, а фактически – 26(!) лет. Гипер-централизованное планирование становилось не стимулом, а тормозом национального экономического развития.

Другой неотменный результат «косыгинской» реформы – это очередной шаг в процессе «стекаания» власти-собственности сверху-вниз (табл.).

Эволюция хозяйственного механизма СССР/России

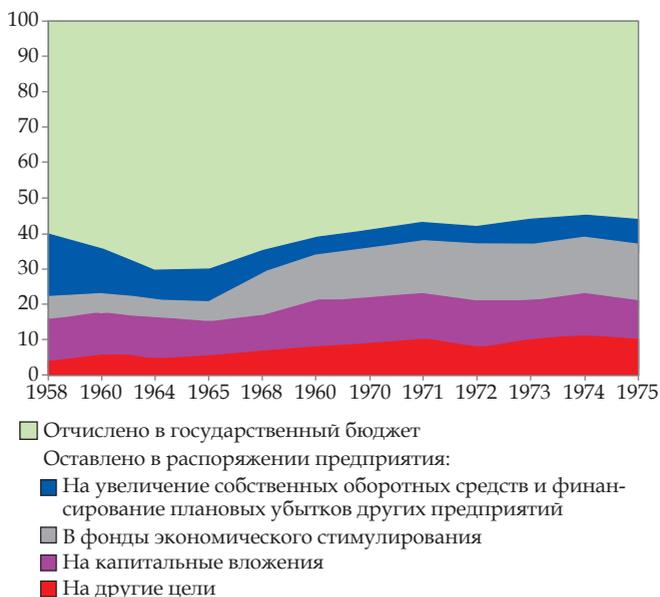
Периоды	Ключевые события	Основные экономические агенты
Начало 1940-х – конец 1950-х гг.: «экономика государства»	Реформа управления 1940–1941 гг.	Наркоматы в составе СНК
Конец 1950-х – середина 1960-х гг.: «экономика регионов»	Хозяйственная реформа 1957 г.	Экономические районы, совнархозы
Середина 1960-х – середина 1970-х гг.: «экономика отраслей»	Экономическая реформа 1965 г.	Отраслевые министерства
Середина 1970-х – середина 1980-х гг.: «экономика подотраслей»	Реформы управления промышленностью 1973 и 1979 гг.	Главные управления министерств, всесоюзные научно-производственные объединения
Середина 1980-х гг. – 1992 г.: «экономика крупных предприятий»	Перестройка 1985 г.	Крупные предприятия, объединения
1992–1993 гг.: «экономика малых предприятий»	Приватизация 1991 г.	Предприятия; малые предприятия, выделившиеся из крупных

Составлено по: [2, с. 48].

В условиях культа личности Сталина вся полнота власти-собственности принадлежала самому высшему звену — даже не членам Политбюро, а лично «великому вождю». Такая предельная концентрация власти-собственности была относительно результативна только в период «военной мобилизации», поэтому сразу после смерти Сталина началось постепенное повышение коллективности высшего руководства. В результате хозяйственной реформы Н. С. Хрущева ведущую роль стали играть не отраслевые министерства, а совнархозы («министерства на местах»). Во времена Л. И. Брежнева происходит дальнейшее усиление бюрократии среднего звена. После того как в ходе «косыгинской» реформы 1965 г. опять перешли к отраслевому принципу управления, основным экономическим агентом стали отраслевые министерства. Провал «косыгинской» экономической реформы объясняется во многом именно ростом самостоятельности советской бюрократии из отраслевых министерств, которая постепенно перехватывала реальное руководство у партийных лидеров и категорически не желала расширять самостоятельность тех, кем она руководила. При М. С. Горбачеве произошло уже усиление низшего звена партийно-хозяйственной бюрократии, руководителей предприятий. Общая тенденция — перемещение власти-собственности сверху вниз, в сторону менеджеров среднего и низшего звена, — закономерно завершилась массовой приватизацией начала 1990-х гг.

Следует обратить внимание на то, что хотя время полной самостоятельности «красных директоров» (т. е. «экономики предприятий») пришло только в 1990-е гг., существенные расширение «коридора возможностей» они получили уже во второй половине 1970-х гг.

Посмотрим внимательно, как в 1958–1975 гг. изменялось распределение полученной советскими предприятиями прибыли (рис.).

Распределение полученной предприятиями прибыли до и после экономической реформы (по Д. Ю. Михайличенко)¹
Составлено по: [3, с. 704]

Общая доля прибыли, оставляемой в распоряжении предприятий, почти не изменилась — она как была в конце 1950-х гг. на уровне примерно 40 %, так и осталась в середине 1970-х гг. примерно на уровне 45 %. Главное изменение произошло в доле фондов экономического стимулирования: при Н. С. Хрущеве она составляла лишь примерно 5 % всей прибыли, а после 1965 г. резко выросла и в первой половине 1970-х гг., даже после свертывания «косыгинской» реформы, устойчиво составляла примерно 15 %.

Качественное расширение возможностей премирования в других условиях (при реальной произ-

¹ См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Экономическая_реформа_1965_года_в_СССР

водственной демократии — например, при развитии хозрасчетных бригад) могло бы означать повышение роли в управлении трудовых коллективов, снижение отчуждения работников от управления. В реальных же позднесоветских условиях это означало расширение свободы рук руководителей предприятий, которые могли не только патерналистски заботиться о «своих» рабочих, но и активно повышать личное благосостояние («за очередью следишь — без очереди берешь»).

В заключение следует отметить что в настоящее время проблемы, выявленные «косыгинской» реформой, — «верхи» не могут эффективно генерировать долговременные стратегические программы развития, а «низы» не хотят довольствоваться существующими рамочными «правилами игры», поскольку уровень благосостояния «народных масс» остается существенно ниже желаемого, — более чем актуальны и в наши дни. Другого сильного и органичного «мотора» развития, кроме волевых решений национальных политических лидеров, у российской экономики по-прежнему пока не выработалось.

Список использованной литературы

1. Буровский А. «Золотой век» СССР. Да здравствует «Застой»! / А. Буровский. — М. : Яуза, Эксмо, 2012. — 348 с.
2. Клейнер Г.Б. Предприятие в нестабильной экономической среде: риски, стратегии, безопасность / Г. Б. Клейнер, В. Л. Тамбовцев, Р. М. Качалов. — М. : Экономика, 1997. — 286 с.
3. Народное хозяйство СССР в 1975 г. : стат. ежегодник. — М. : Статистика, 1976. — 862 с.
4. Нуреев Р. М. Теория общественного выбора : курс лекций / Р. М. Нуреев. — М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2005. — 530 с.
5. Нуреев Р. М. Между «реальным социализмом» и «восточным деспотизмом»: лабиринты институционального экономического развития Советской России / Р. М. Нуреев, Ю. В. Латов // Мир России. — 2014. — № 3. — С. 6–45.

6. Попов Г. Х. С точки зрения экономиста / Г. Х. Попов // Наука и жизнь. — 1987. — № 4. — С. 54–65.

7. Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время : монография : в 2 т. Т. 1 : Экономика СССР в конце 30-х годов — 1987 год / Г. И. Ханин. — Новосибирск : НГТУ, 2008. — 515 с.

8. Adam J. Economic reforms in the Soviet Union and Eastern Europe since the 1960s / J. Adam. — Basingstoke (Hants.); London : Macmillan press, 1989. — XVI, 264 с.

9. Kontorovich V. Soviet Economic Reform [Electronic resource] / V. Kontorovich // SSRN eLibrary. — Режим доступа : https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=913431.

10. Kontorovich V. Soviet Economic Reform [Electronic resource] / V. Kontorovich // The New Palgrave Dictionary of Economics. Ed. by Lawrence Blume and Steven Durlauf. 2nd ed. Vol. 7. — London: Palgrave Macmillan Ltd., 2008. — P. 713–719.

11. Wilczynski J. The Economics of Socialism after World War Two : 1945–1990 / J. Wilczynski. — Aldine Transaction, 2008. — 233 p.

Информация об авторах

Латов Юрий Валерьевич — доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии РАН; профессор, департамент экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ, 125993, г. Москва, Ленинградский проспект, 49, e-mail: latov@mail.ru.

Нуреев Рустем Махмутович — доктор экономических наук, профессор, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; руководитель департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ, 125993, г. Москва, Ленинградский проспект, 49, e-mail: nureev50@gmail.com.

Authors

Latov Yury Valerievich — D.Sc. in Sociology, Ph.D. in Economics, Leading Researcher, Institute of Sociology RAS; Professor, Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation, 49, Leningradsky Prospekt, Moscow, 125993, Russian Federation, e-mail: latov@mail.ru.

Nureev Rustem Makhmutovich — D.Sc. in Economics, Ordinary Professor, National Research University «Higher School of

Economics»; Head of Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation, 49, Leningradsky Prospekt, Moscow, 125993, Russian Federation, e-mail: nureev50@gmail.com.

Библиографическое описание статьи

Латов Ю. В. «Косыгинские» реформы в контексте советских политико-экономических циклов / Ю. В. Латов, Р. М. Нуреев // Историко-экономические исследования. — 2016. — Т. 17, № 3. — С. 488-504. — DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(3).488-504.

Reference to article

Latov Yu. V., Nureev R. M. Kosygin's reforms in the context of Soviet political-economic cycles. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2016, vol. 17, no. 3, pp. 488-504. DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(3).488-504. (In Russian).